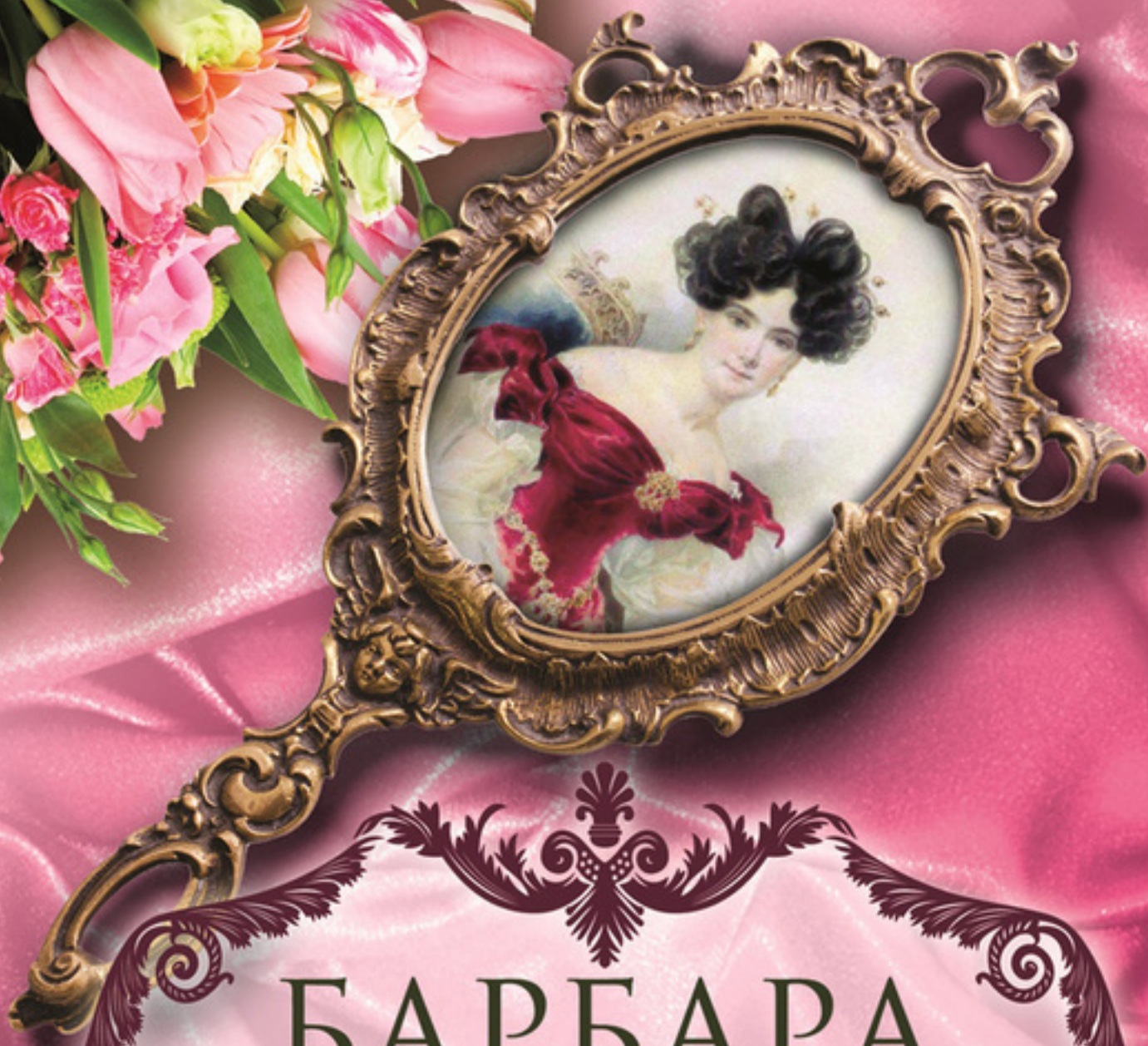

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Сердце не обманет

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Барбара Картленд
Сердце не обманет

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2004

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Картленд Б.

Сердце не обманет / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2004

Герцогу Джону Честеру достались в наследство разрушенный замок и куча долгов. Его случайная попутчица, Джина Уилтон, уверяет, что ситуацию мог бы исправить брак по расчету, но... Джон убежден, что жениться надо по любви. И хотя Джина совершенно не похожа на его идеал женщины, он не в силах противиться чарам красавицы...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Картленд Б., 2004
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2004

Содержание

Биография	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд Сердце не обманет

Barbara Cartland
Love Finds the Way

Выражаем особую благодарность литературному агентству «Andrew Nurnberg Literary Agency» за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

© Cartland Promotions, 2004

© DepositPhotos.com / IlyaShapovalov, semenovp, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014

* * *

– Если сегодня нас ждет успех, в этом ваша заслуга, – негромко произнес молодой человек. – Вы гордитесь?

Джина молча покачала головой. В глазах ее блеснули слезы.

И когда Джон увидел этот блеск, его охватило сильнейшее, необоримое желание поцеловать ее, и он понял, что уже ничто его не остановит. Влюбленный наклонил голову, припал губами к ее устам и почувствовал их вкус, еще более сладостный, чем мечталось ему.

На какой-то восхитительный миг он ощутил ее мягкое, теплое дыхание на своих губах.

– Джина...

А потом мгновение неземного блаженства кончилось. Джон увидел ее распахнутые, полные ужаса глаза и почувствовал, как она оттолкнула его.

– Джина...

– Нет... Нет, мы не должны...

Девушка высвободилась и попятилась от него.

– Прошу вас, Джон... Нам нельзя... Давайте забудем... Мы должны забыть...

– Вы сможете забыть? – спросил он чуть ли не со злостью в голосе.

– Я должна... Должна...

Она развернулась и бросилась бежать.

Биография

Барбара Картленд была необычайно плодовитой писательницей – автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Любовь подобна камню, она живет вечно.

Барбара Картленд

Глава 1

1880 г.

«Ливерпуль» должен был причалить к марсельскому доку с минуты на минуту. С мостика Джон Честер наблюдал за приближающимся портом.

Капитан Халлам хлопнул его по плечу.

– Как причалим, я собираюсь сходить в контору, проверить, нет ли новых писем. Пойдете со мной или хотите, чтобы я принес ваши?

Джон рассмеялся.

– Я бы очень удивился, если бы там обнаружили письма для меня.

– Бросьте, – протянул Халлам. – Наверняка не одна хорошенькая девица дожидается вашего возвращения.

Капитан имел все основания так думать. Джон Честер, молодой человек (ему еще не было и тридцати) с вьющимися темно-каштановыми волосами, был прекрасно сложен, и в глазах его горел огонь, который легко мог захватить воображение любой юной девы.

– А вы? – спросил Джон, умело уходя от вопроса. – На вашем счету, верно, тоже немало разбитых сердец?

– Если и есть, я очень надеюсь, что моя жена никогда о них не узнает. Когда я ушел в плавание, она ждала ребенка. Наверное, уже родился.

– Мои поздравления. Первый?

– Какое там! Третий. Скажу честно, больше мы вряд ли сможем себе позволить.

– Так вы считаете, что дети дорого обходятся? – поинтересовался Джон.

– Ужасно дорого. Но, к счастью, моя старшая дочь настоящая красавица. Она может выйти за миллионера и спасти семью.

– Не сомневаюсь, вы найдете ей такого, – улыбнулся Джон. – Наверняка на вашем судне путешествует множество богачей. А вот хорошенькие девицы, как я заметил, встречаются намного реже.

Халлам, бросив на него добродушно-насмешливый взгляд, заметил:

– Вероятно, это потому, что заботливые отцы держат их подальше от вас.

Джон расхохотался и не стал возражать.

– Однако я бы удивился, если бы вы и правда страдали от недостатка женского общества, – не без зависти добавил капитан. – Неженатых англичан не хватает, а женатых, я много раз слышал, дамы избегают.

– Я слышал другое: с глаз долой – из сердца вон. Кто знает, чем вы занимаетесь, когда путешествуете по Средиземноморью или, как я, плаваете за океан, где англичанин такая же редкость, как бокал холодного шампанского?

– Во всяком случае вы можете себе это позволить, – заметил Халлам.

– В том-то и беда, что я не могу себе позволить делать это часто, – посетовал Джон. – Все немного, что у меня было, я потратил на путешествия. Довольно неудобно путешествовать, когда денег не хватает, но уж лучше путешествовать без удобств, чем не путешествовать вовсе.

– Чем же вы занимаетесь дома? – полюбопытствовал Халлам.

– Держусь подальше от женщин, которые думают о браке.

– Но каждая женщина думает о браке, – заметил капитан. – Если только она уже не замужем.

– Ни одна женщина не получит меня, – твердо произнес Джон.

– Значит, быть вам бобылем, – предсказал Халлам.

– Отнюдь. Я совершенно точно знаю, какую хочу женщину, и, когда придет время, выберу именно такую. Ласковую, добрую, покорную...

– В наше время женщины перестали быть покорными, – сказал Халлам, удивляясь подобной отсталости взглядов собеседника. – Сейчас у них передовое мировоззрение. Им подавай эмансипацию.

– Нет, такая женщина мне бы не подошла, – ответил Джон. – Какому мужчине нужна жена, которая будет вечно с ним спорить?

– Да никакому, но чаще всего именно это мужчины и получают, – мрачно промолвил Халлам. – Мой друг, вы слишком давно покинули Англию и ничего не знаете о «новой женщине».

– А вы знаете, – улыбнулся Джон.

– Да. От сестры моей жены. Это страшная женщина. Старая дева. Она вполне могла выйти замуж, но куда там! Ее хлебом не корми, дай поговорить о раскрепощении женщин да о равноправии. Представьте, она верит, что женщины скоро получат право голосовать.

– Такого никогда не будет!

– Я так до этого точно не доживу. Но мне пора заняться своими обязанностями. Мы уже почти прибыли.

Когда капитан удалился, другой молодой человек, стоявший в сторонке и слушавший их разговор, подошел к Джону.

– Послушать тебя, так ты просто бессердечный дьявол какой-то, – заметил он.

– Вовсе я не бессердечный, – возразил Джон. – Просто меня привлекает определенный тип женщин...

– Куклы, которые открывают рот только для того, чтобы сказать: «Какой же вы замечательный!» или «Какой же вы умный!»

Джон усмехнулся.

– А что в этом плохого?

– Это только поначалу неплохо, – увещевал Бенедикт. – А представь, каково провести так всю жизнь? Это же невообразимо скучно!

– Твоя беда в том, что ты родился в семье образованных женщин, – серьезно произнес Джон.

– Верно, мать и сестра у меня очень образованные женщины, но не бойся, старина. С ними тебе встречаться не придется. Если я расскажу им о твоих взглядах, они не захотят видеть тебя в своем доме.

– Но, Бен, разве они тебя не пугают?

– Нет. Я вырос с умными женщинами, так что мне это кажется вполне естественным. А тебя испортили восточные женщины, которым нечем заняться, кроме как думать о своих мужчинах да соглашаться с ними.

– Чем же это плохо? – с невинным видом поинтересовался Джон.

– Иди ты к черту! – добродушно воскликнул Бенедикт. – Я не верю, что ты такой плохой, каким хочешь показаться.

– Может, и не такой, – усмехнулся Джон. – Но почти.

С этими словами он спустился с мостика на палубу, где с небрежной грацией облокотился на ограждение борта и стал наблюдать за приближающимся берегом.

Бенедикт Кенли, друг Джона, иногда сопровождавший его в путешествиях, считал его человеком неблагодарным и бездушным.

Джон как будто не замечал выгод, которые давала ему его высокая, поджарая фигура и мужественное лицо, думал Бенедикт, с грустью осознававший, что сам он не наделен хоро-

шим ростом. Лицо же у него было круглое, картинное. Некоторых девушек привлекало его доброе сердце, но не настолько, чтобы влюбиться в него, с сожалением вынужден был признать он.

Но Джона Честера, который мог получить любую женщину, казалось, заботила исключительно собственная свобода.

– Бессердечный, – сказал Бенедикт.

– Послушай меня, Бенедикт, – сказал Джон. – Мужчина должен быть немного бессердечным, если не хочет осложнений.

– У тебя и так в жизни одни осложнения, – заметил Бенедикт, что было совершенной истиной.

– Это просто флирт. Я говорю о серьезных осложнениях, тех, которые приводят к семейной жизни. Как у бедолаги Халлама.

– Но тебе быть герцогом! – воскликнул Бенедикт. – Ты не можешь всю жизнь прожить холостяком. Как же наследник?

Джон посмотрел на него с таким удивленным видом, что Бенедикт рассмеялся.

– Что за вздорные мысли! – воскликнул Джон. – Моему дяде нет и шестидесяти. Он все еще вполне может жениться и завести себе наследника. И тогда мне не придется возиться с его замком со сквозняками и унылым наследством.

Вместе с Халламом они спустились на берег и отправились в контору, где хранились до востребования письма путешественникам.

Джон знал, что для него там не будет ничего, но для очистки совести решил проверить, перед тем как заняться с Бенедиктом исследованием Марселя.

Однако, к его неимоверному удивлению, человек за стойкой произнес:

– Вас уже почти полтора месяца дожидается послание, сэр.

И он протянул Джону телеграмму. На ней было указано его имя и название корабля.

– Наверное, что-то срочное, – заметил Бенедикт.

– Вряд ли. Господи, я надеюсь, это не от той девушки, с которой я ужинал в последний день перед отплытием.

– Ты вел себя как джентльмен?

– Разумеется... Всего один поцелуй. – Бенедикт нахмурился, и Джон поспешил добавить себе в оправдание: – Она была очень хорошенькая.

Он открыл телеграмму, и, пробежав ее глазами, замер.

«Мистеру Джону Честеру, путешествующему на борту судна “Ливерпуль”. С пригорбием сообщаем, что ваш дядя герцог Честертон вчера скончался.

Крайне важно, чтобы вы вернулись как можно скорее.

Джеймс Вентворт».

Джон дважды прочитал телеграмму. Он не мог поверить своим глазам. Эта новость застала его врасплох, поразив, как гром среди ясного неба.

Теперь, когда дядя, так и не женившись, умер, Джон станет герцогом, унаследует не только титул, но и дом, в котором их предки жили восемь веков.

В один миг вся жизнь его перевернулась с ног на голову, и минуту он не мог ясно мыслить.

– Плохие вести, старина? – участливо поинтересовался Бенедикт.

– Хуже не придумаешь, – промолвив побледневший Джон. – Пойдем. Мне нужно выпить.

Он вышел из конторы и потянул друга за собой. В ближайшей таверне Джон заказал бутылку бренди таким мрачным голосом, что трактирщика как ветром сдуло. Только сделав первый глоток, он пришел в себя настолько, что бросил телеграмму на стол перед Бенедиктом.

Бенедикт, прочитав ее, воскликнул:

– Какая жалость. Вы были близки, Джон?

– С дядей? Нет, мы не были особенно близки. И теперь, похоже, мне не отвертеться. Я унаследую титул, который мне не нужен, и старый разваливающийся замок.

Он допил бренди одним глотком, пытаясь примириться со свалившейся на него бедой.

– Титул без денег бесполезен, – сказал он. – Дядя распорядился своими деньгами весьма странным образом. На старости лет он стал очень религиозным, собрал и поселил у себя целую толпу бедняков и бездомных.

– Я бы назвал это не странностью, а благородством, – вставил Бенедикт.

– Ты-то вырос в семье церковников, – заметил Джон. – Но в семье моего дяди филантропов никогда не было. Почему человек хочет помогать тем, кто настолько глуп, что не может помочь себе сам, для меня загадка. Мало того что они причиняли ему массу неудобств, так он еще оплачивал похороны тех, кто умирал, при этом вступая в споры с их плачущими родственниками, которые ради покойничков палец о палец не ударили, пока те были живы.

– Довольно неприятные вещи ты говоришь.

– Дьявол, Бенедикт, не смотри на меня так. Я не хочу выглядеть сухарем, просто я получил неожиданное известие и немного растерялся.

– Конечно, конечно, – примирительным тоном произнес его друг. – Ты говоришь не думая.

– Только не надо меня жалеть. Я не такой уж тонкокожий. Сейчас у меня на уме одно: я оказался в прескверном положении. Прощай, свобода, прощай, привычная жизнь.

– Тебе теперь придется исполнить свой долг перед семьей... – начал было Бенедикт, но взгляд Джона заставил его замолчать.

Ему показалось, что его друг сильно побледнел, как человек, увидевший что-то невыразимо ужасное. Джон именно так сейчас себя и чувствовал.

В последние годы Джон редко вспоминал своего дядю. Когда его семья собиралась навестить герцога, у него всегда находились дела поважнее. Бывая в замке, он испытывал лишь скуку и неудобство, поэтому наведываться туда лишний раз ему совершенно не хотелось.

Но теперь замок перешел к нему. И он понятия не имел, что с ним делать и как решать те многочисленные осложнения, которые возникнут в его жизни с этим приобретением.

– Я планировал на время остановиться в Марселе, – задумчиво промолвил он, – и вернуться домой другим кораблем. Но теперь...

– Но теперь мы должны вернуться на «Ливерпуль», – подхватил Бенедикт.

– Бен, но тебе-то зачем жертвовать путешествием?

– Я поеду с тобой. Мне придется провести несколько дней с семьей под Портсмутом, но потом я присоединюсь к тебе. Неужели ты думаешь, что я оставлю друга в беде?

Джон благодарно улыбнулся и выпил еще один стакан бренди, после чего они вернулись на судно.

Вечером отплыли в Портсмут. Опершись на ограждение борта, Джон стал смотреть на покрытое зябью море.

– Отец однажды сказал, что дядя Руперт совсем спятил, – сказал он Бенедикту.

– Это потому, что он помогал беднякам и обездоленным?

– Потому что они были ему важнее собственной семьи. Когда он унаследовал титул, ему досталось неплохое состояние и дом, которому любой здравомыслящий человек был бы только рад. Там были картины, мебель, библиотека – в общем, все, что можно пожелать. И все это он потратил на своих «заблудших овец». В семье начались бесконечные ссоры и грызня, и это одна из причин, почему я решил путешествовать. Я мог позволить себе только одну поездку, но использовал я ее, чтобы заработать. В результате я смог дать немного денег

матери и сестрам, и еще осталось, чтобы оплатить следующую поездку. Вот так мне и удалось объездить почти весь Восток, продолжая выполнять свой долг перед ними.

– А какие другие причины? – полюбопытствовал Бенедикт.

Джон ненадолго задумался.

– Я искал кое-что.

– Что?

– Не знаю... Просто что-то новое для меня. Что-то такое, что придало бы смысл этому миру. Я всегда мечтал об этом. Но теперь я уже ничего не найду. С мечтой придется распрощаться.

– Может быть, это не обязательно искать за границей? – предположил Бенедикт.

– В тех местах, где мне приходилось бывать, я ничего не нашел, – согласился Джон. – Быть может, ничего такого просто не существует.

– Конечно же, существует! – уверенно воскликнул Бенедикт. – Оно существует для всех. Только, наверное, нельзя просто так поехать и найти его. Возможно, ты должен быть готов, иначе просто не признаешь его, когда оно найдет тебя.

– Теперь ты заговорил загадками, – укоризненно произнес Джон.

– А ты, старина, кажется, начинаешь пьянеть, – добродушно ответил Бенедикт.

– Тут немудрено до смерти упиться, – мрачно заметил Джон. – И ничего такого я не найду. Во всяком случае, в Англии, куда я надеялся не возвращаться. – Подумав немного, он добавил: – А ведь мне не обязательно ехать домой. Я же мог не попасть в Марсель, верно? Что, если просто взять и пересечь на другой корабль?

– Нет, ты не сможешь этого сделать, – возразил Бенедикт. – Ты глава семьи, и, хоть тебе это не нравится, ты отвечаешь за них.

– Пожалуй, ты прав, – вздохнул Джон. – Но от твоих слов я чувствую себя как в цепях. Что ж, надеяться больше не на что. Пойдем спать.

* * *

День сменился сумерками, когда «Ливерпуль» пристал к Портсмуту. На причале их никто не встречал, потому что никто не знал, когда они вернутся.

– Поедем со мной в замок. Разделишь мои мучения, – предложил Джон.

– Разве можно отказаться от такого предложения? – усмехнулся Бенедикт. – Я сначала повидаюсь с семьей, потом сразу к тебе.

Наконец настало время сходить на берег. Подойдя к трапу, Джон увидел, что грузчик уже снес его багаж.

– Вам бы лучше взять экипаж, – посоветовал грузчик.

– Можете найти с двумя лошадьми? – спросил Джон. – Я живу в Гемпшире, недалеко от деревни Литтл Кингсфорд, так что путь предстоит неблизкий.

– Постараюсь, – ответил грузчик и ушел искать экипаж.

Когда через несколько минут Джон наконец сошел на берег, его вещи уже грузились в экипаж, запряженный двумя лошадьми.

– До свидания, дружище, – сказал он Бенедикту. – Приезжай, как только сможешь.

«Эта поездка дорого мне обойдется, – подумал он, повернувшись к экипажу. – Но это гораздо удобнее, чем ехать поездом, и не придется ждать часами или делать пересадки».

Вдруг прямо у него за спиной раздался голос:

– Сэр, пожалуйста, возьмите меня с собой. Я еду туда же, куда и вы, но других экипажей не осталось.

Голос был сильный, напористый и приятный.

Развернувшись, он с удивлением увидел весьма привлекательную девушку в красивом дорожном платье. В руке она держала на удивление громоздкий чемодан и смотрела на Джона с такой мольбой в глазах, что отказать ей было решительно невозможно.

– Вы действительно едете в Литтл Кингсфорд? – спросил он. – Отсюда это часа два пути.

– Я знаю, – ответила она. – Извозчик, которого я просила, сказал, что уже слишком поздно ехать в такую даль, а оставаться здесь на ночь мне не хочется.

– Вдвоем нам будет немного тесновато, – сказал Джон, – но, разумеется, я подброшу вас, если вам туда же.

– Да, я еду в Литтл Кингсфорд, – ответила девушка. – Я услышала, как человек с корабля сказал, что вы туда собираетесь, и я была бы вам очень признательна, если бы вы разрешили мне поехать с вами.

Джон улыбнулся.

– Конечно, это можно устроить. – Он подозвал кучера и велел грузить в экипаж багаж девушки.

Но чемодан свой незнакомка не выпустила, и тогда Джон вежливо попытался забрать его.

– Нет-нет, спасибо, – сказала девушка. – Я сама справлюсь.

– Он выглядит тяжелым.

– А я очень сильная, – весело ответила она.

Когда они подошли к экипажу, весь багаж уже был погружен, и девушка, недолго думая, подняла чемодан и забросила его наверх. Потом достала из сумочки ковер и вручила его слуге, который укладывал вещи.

– Нужно было оставить это мне, – пробормотал Джон.

– Вы тоже можете заплатить ему, – сказала она. – Думаю, он не станет отказываться.

Джон торопливо сунул слуге чаевые, и они вместе заняли места в экипаже. Когда тронулись, Джон посмотрел на сидящую рядом незнакомку. Она была безусловно очень красива. Светлые волосы под белой соломенной шляпкой выглядели особенно очаровательно.

Жаль, подумал он, что она испортила впечатление от себя мужской независимостью.

– Вы плыли на том же корабле, что и я? – спросил Джон.

– Нет, – ответила девушка. – Я гостила у друзей здесь неподалеку, но мне неожиданно понадобилось уехать.

– Надеюсь, не какое-нибудь семейное несчастье?

– О нет! У одной моей подруги есть брат, который... начал вести себя со мной немного глупо. Мне не удалось убедить его смириться с отказом, поэтому пришлось улизнуть. Разумеется, как следует организовать путешествие не получилось, но я решила добираться домой любым способом. Потом пришел ваш корабль. Кто-то упомянул, что из Франции.

– Да, – ответил Джон. – Мы сели в Марселе, но вообще-то я возвращаюсь с Востока. Раз уж мы оба едем в Литтл Кингсфорд, я полагаю, мы с вами соседи?

– Я еду в Кингсфордскую школу. Им не хватает учителей.

Джон посмотрел на нее с удивлением.

– Вы учитель? Что-то не похожи вы на классную даму.

– Я еще не учитель, – ответила она. – Но у меня прекрасное образование, и я хочу использовать его, а не то мне придется просто как дочери сидеть дома и ничего не делать.

– Почему ничего не делать? – захотел узнать Джон.

– Потому что этим дочери и занимаются дома. Иногда они устраиваются в благотворительные комитеты, но моя мама там главная, поэтому мне там нечего делать. Она хочет все решать сама, а это весьма утомительно, поскольку я тоже хочу чем-то заниматься.

– Чем же?

– Чем-то полезным. Вы и представить себе не можете, как мне хочется быть полезной. Делать одно и то же изо дня в день: ходить в гости, покупать одежду, читать дамские журналы – для меня это пустая трата времени.

Джон подумал, что для юной леди это самое что ни на есть подходящее времяпрепровождение, но вслух дипломатично сказал:

– Наверное, это очень скучно, но, по-моему, в школе вам будет не менее скучно.

– Я прочитала все книги, какие были в библиотеке, и, честно говоря, не представляю, чем бы еще я могла заниматься. В конце концов, жизнь без серьезного занятия – ничто.

– Без серьезного занятия? – повторил Джон, с сомнением посмотрев на нее.

Ему начало казаться, что при внешней красоте она все же была не так привлекательна, как ему показалось поначалу. Юные леди не разговаривают о «серьезных занятиях». А если разговаривают, то таких мужчины избегают.

– Но разве для женщины брак – это не серьезное занятие? – спросил он. – Воспитание детей тоже вполне серьезное занятие. Наверняка вы скоро выйдете замуж...

– Нет, спасибо, – сказала она так, будто отказывалась от добавки супа. – Брак не для меня.

– А у вас есть опыт?

– Нет, но я видела достаточно, чтобы понимать, что любая здравомыслящая женщина не захочет себя связывать.

Джон опешил. Юные леди обычно так не разговаривают.

– Значит, нам, бедолагам, повезло, что в мире не так много здравомыслящих женщин, – сказал он, пытаясь превратить разговор в шутку.

– Здравомыслящие женщины есть, и их немало, – возразила она. – Их даже очень много.

– Тогда как же получается, что они выходят замуж?

– Потому что мир не оставляет им другого выбора, – сказала она. – А иначе...

Почувствовав, что разговор заходит в угрожающую стадию, Джон воскликнул:

– А почему бы нам не представиться?

– Джина Уилтон, – сказала девушка и протянула руку.

Он взял ее руку, чтобы пожать, и чуть не вскрикнул, когда ее пальцы решительно стиснули его кисть.

– И вы живете в Литтл Кингсфорд?

– Да, рядом с замком.

Джон посмотрел на нее с любопытством.

– Почему вы упомянули замок?

– Потому что мысли о нем преследуют меня всю жизнь. Из окна моей спальни видна устремленная в небо огромная башня. К тому же это ведь настоящий замок. Сейчас так много зданий называют замками, хотя это обычные дома, построенные пару сотен лет назад.

– Замок Честертон был построен еще в те времена, когда замки служили крепостями. У него есть настоящие стены с зубцами и башни с бойницами, чтобы можно было обстреливать стрелами противников, и ров... Вообще-то рва там уже нет, – уточнил Джон. – Его засыпали много лет назад. Но место, где он проходил, до сих пор видно.

– Я в детстве придумывала разные сказочные истории про этот замок. Я представляла себя рыцарем в сверкающих доспехах.

– Женщины не бывают рыцарями, – твердо сказал Джон.

– Я переодевалась, – не менее твердо произнесла она. – На своем верном коне Максимусе я сражалась с драконом и защищала слабых.

Джон про себя подумал, что слабые при виде такой устрашающей девицы, наверное, разбегались бы кто куда, но он был джентльменом и потому не стал этого говорить вслух, а лишь поинтересовался:

– А девицей, попавшей в беду, вы никогда не были?

– Кому такое может прийти в голову? – искренне удивилась она.

– В самом деле...

– Женщины тогда жили ужасно. Только то и делали, что сидели дома и ждали, пока мужчины вернутся после приключений. Я бы предпочла приключения. А вы разве нет?

– Мне нравится путешествовать, – признался он.

– Ах да, помню, вы говорили, что бывали на Востоке. Расскажите об этом?

– Нет, – категорическим тоном отрубил Джон.

– Почему?

– Потому что вы не даете мне слова вставить.

– Ох, простите меня, у меня привычка такая – много говорить.

– Могу себе представить. Не хотел бы я оказаться на месте того дракона. Вы бы несчастное существо до смерти заговорили.

Она захихикала, на удивление приятно.

– Теперь, – сказал Джон, – когда мне удалось заставить вас ненадолго замолчать, позвольте представиться мне.

– Да, я не дала вам возможности, верно.

– Странно, что вы заметили. Вы, вероятно, захотите узнать, что мы будем соседями, потому что я еду в замок.

Джина вскрикнула от восторга.

– Надо же! Как интересно! Я так долго рассматривала его снаружи, и мне ужасно хочется увидеть его изнутри. Как думаете, вы не смогли бы меня туда провести?

– Можно что-нибудь придумать, – согласился Джон.

– Вы в самом деле можете уговорить герцога?

– Он всегда готов выслушать разумные доводы.

– Правда? Вы с ним знакомы? Я имею в виду, с новым герцогом. Джоном Честером. Конечно, я знаю, что старый герцог умер, а Джон Честер куда-то пропал. Чего только о нем не рассказывают.

– Вот как?

– Говорят, что он исчез много лет назад, и теперь никто не знает, где он находится, из-за чего они хотят нанять актера, который стал бы его изображать, только представьте!

– Как интересно! Но прошу вас, мисс Уилтон, продолжайте. Очень хочется узнать, что еще говорят.

– Еще ходит слух, что он закоренелый преступник и сидит в какой-то тюрьме за границей. Они пытаются его вызволить, но власти Джона не отпускают.

– О, это мне понравилось больше всего. Мне гораздо приятнее быть преступником, чем сумасшедшим.

Заявление его произвело именно тот эффект, на который он рассчитывал. Глаза мисс Уилтон распахнулись, рот приоткрылся, она воззрилась на него.

– Вы хотите сказать, что... вы?

– Вы так и не дали мне представиться. Позвольте мне это сделать сейчас, мисс Уилтон. Джон Честер, герцог Честертон. К вашим услугам.

Глава 2

Она едва не задохнулась от восторга:

– Как чудесно, как изумительно! Вы наверняка ужасно рады.

Прошло какое-то время, прежде чем Джон ответил:

– Не совсем. Вам это может показаться захватывающим, но герцог был одержим идеей помощи больным и неимущим. Он селил их в замке и оплачивал их счета.

Джина радостно вскрикнула.

– Я слышала о вашем дяде, – сказала она. – Папа рассказывал, каким он был добрым и щедрым и как ему доставалось за все, что он делал. Он говорил, родные герцога все время бранили его за то, что он тратил деньги на чужих людей, а не на семью.

– В самом деле? – в некотором замешательстве спросил Джон.

– Папа говорил, что это был человек исключительной доброты.

– Пожалуй, ваш папа был прав, – заметил Джон. – Но семья герцога страдала из-за того, что он тратил так много денег. Теперь замок чуть ли не разваливается, и никто не в состоянии ничего сделать.

– А вы, стало быть, этим и займетесь?

– Что я могу без денег, которых у меня, к сожалению, нет? – посетовал Джон. – И я почти не сомневаюсь, что дядя не оставил мне ни гроша. Если только деньги не посыплются с неба, замок обречен на скорое разрушение.

Говорил он, не задумываясь о том, что для человека постороннего это прозвучит довольно зловеще. Девушка вскрикнула в ужасе:

– Вы не должны этого допустить!

– Боюсь, я не могу себе позволить ничего другого, – досадливо сказал Джон. – Когда я последний раз приезжал, меня потрясло и ужаснуло состояние замка внутри и снаружи. Скажу по правде, по-моему, единственное, что мне остается, это бросить его, и пусть он превращается в руины.

– Этого нельзя допустить, – очень твердо промолвила Джина. – Теперь, когда все принадлежит вам, вы должны сделать так, чтобы замок стал таким же красивым и величественным, каким был, когда его только построили.

– Должен? – переспросил он, начиная закипать оттого, что эта девица дает ему советы, не имея ни малейшего представления о его затруднительном положении.

– Конечно, должны! Как может герцог спокойно наблюдать за тем, как разрушается его наследие? Вы должны воспринимать это как дуэль, в которой мы не должны проиграть. Это часть нашей истории, которой будут гордиться наши дети и внуки.

Джон поднял брови.

– Наши дети? – повторил он.

Она поняла, как прозвучали ее слова, и тут же залилась краской.

– Я не имела в виду... О Боже!

– Ничего. Я знаю, что вы имели в виду, – снисходительно вымолвил он. – Вы говорили о детях и внуках в общем, во всей округе.

– Да-да, именно это я и хотела сказать, – с благодарностью в голосе сказала Джина. – Надо мне думать, прежде чем что-то сказать.

– Да, надо, – сказал Джон, вспомнив, что немного сердится на нее. – Очень легко говорить людям, что им нужно делать. Закончив поучать меня, быть может, вы расскажете, как мне это осуществить?

– Это, конечно же, нужно хорошо обдумать, – сказала она.

– Я рад, что вы это понимаете, а то уж мне начало казаться, что вы ждете какого-то чуда.

– Чуда? – повторила она, удивленно посмотрев на него. – Ну конечно! Мы совершим чудо.

– Вы совершите, – сварливо пробормотал он. – У меня чудеса уже закончились.

Если бы Джина не сидела, она бы топнула ногой.

– Не будьте таким... таким...

– Мягкотелым? – услужливо подсказал он. – Слабохарактерным? Безвольным? Сами выбирайте, что вам больше по душе.

– Не думайте, что так вы сможете заставить меня замолчать, – промолвила она. – Не получится.

– Чего я и боялся, – пробормотал себе под нос Джон.

Ему пришло в голову, что нужно брать разговор в свои руки. Спутница его была очаровательна, но, как все женщины, витала в облаках, и теперь настало время мужскому интеллекту вернуть ее на землю.

– Теперь послушайте меня, мисс Уилтон... – строго сказал Джон и повернулся, чтобы лучше ее рассмотреть, но именно в этот миг ее красота поразила его по-настоящему. Да, он с самого начала заметил, что она довольно недурна собой, но только сейчас он вдруг осознал, что такого прекрасного лика не встречал уже очень давно.

С обрамленного волосами цвета меда овального лица этой английской розы на него глядела пара огромных голубых глаз. Четко очерченные крупные брови отличались от волос чуть более темным оттенком, а кожа ее была такой светлой и безукоризненно чистой, что вся она казалась частичкой самого солнечного сияния.

Но не только красота глаз приковала взгляд Джона. В них, в самой глубине, искрились огоньки. Когда Джина говорила, они наливались теплом и светом, и от нее исходила какая-то пламенная энергия, отчего все, что она говорила, казалось важным.

В одном Джон не сомневался: мужчина может ее любить или ненавидеть, но не заметить ее не сможет, особенно если она, как сейчас, не хочет быть незамеченной.

Девушка явно поставила своей целью убедить его последовать ее совету, и он все больше и больше склонялся к тому, что сделает это.

– Да? – спросила Джина.

– Что? – как во сне, произнес он.

– Вы сказали, чтобы я вас послушала.

– В самом деле?

– Да. Это означает, что вы хотите что-то сказать мне, не так ли?

– Я хочу?

– Ну вы-то сами должны знать, хотите или не хотите что-то сказать, – сурово произнесла она.

– Да-да, конечно.

– И?

– И?

– Что же вы хотите сказать?

Джон с трудом заставил себя собраться, хотя ему этого не хотелось. Ему хотелось продолжать оставаться в сладостном тумане, который начал окутывать его, но эта властная девушка не давала ему такой возможности.

– Я просто собирался сказать, что не смогу найти огромную сумму, которая требуется на восстановление замка. Тут нужно состояние. Кто мне его даст?

Слова эти были произнесены с нотками отчаяния, и, когда его голос стих, наступила тишина, нарушаемая лишь топотом лошадей, бежавших по дороге, уводящей прочь от моря.

Наконец Джина негромким, но твердым голосом сказала:

– Я уверена, у вас получится. Совершенно уверена. Там, где другие спасуют или скажут «безнадежно», вы добьетесь своего.

Говорила она так тихо, что Джону на миг показалось, что он не слышит ее слов, а думает о них. Повернувшись к ней, он увидел в ее глазах такое выражение, какого еще не видел ни у одной женщины.

– Почему вы так говорите? – пробормотал он.

– Потому что я чувствую, что понимаю вас, и знаю, на что вы способны, – очень тихо ответила Джина. – И я знаю, что вы можете это сделать. У меня в душе нет сомнений, что у вас все получится.

Джон даже удивился, что слушает эту девуцу. Что она может знать о нем и о его жизни? Однако от нее исходила сила, которая буквально захлестнула его.

– Мы только что говорили о чудесах, – сказал он. – Вы можете сотворить чудо? Потому что сейчас ничто другое не поможет.

Произнес он это с оттенком иронии, и Джина, смотревшая на него, отвернулась. Потом так тихо, что Джон с трудом расслышал ее слова, она промолвила:

– Есть много разных способов, но вам, наверное, проще всего было бы жениться на богатой наследнице.

Воцарилось молчание. Джон был до того поражен, что на миг онемел. Потом он неуверенно рассмеялся.

– Весьма практичный подход, – сказал он. – Но, видите ли, богатые наследницы на деревьях не растут. Да и потом, я вовсе не уверен, что, если бы мне даже удалось найти такую, она захотела бы стать моей женой.

– У вас титул, – заметила Джина. – И, насколько я знаю, все богатые девушки хотят получить титул. Вообще-то, всех титулованных мужчин, которые встречались мне, всегда преследовали девушки, мечтающие выйти за графа или, еще лучше, за герцога. А вы герцог, так что вы будете нарасхват.

Джон воззрился на нее, не веря своим ушам.

– Сударыня, вы говорите обо мне, как о куске сыра, который продают на ярмарке! – негодуя воскликнул он.

– Да, но о куске очень дорогого сыра, – повеселела она.

– Благодарю вас. Знаете, вы можете считать меня отставшим от жизни, но я женюсь на женщине, которая будет любить меня, а не мой титул или замок.

– Это понятно, – быстро сказала она. – Такого ответа я от вас и ждала. Но эти вещи не исключают друг друга. Вы можете полюбить женщину, которая ответит на ваши чувства, и ее богатство станет просто свадебным подарком. Оно никак не отразится на вашей любви.

– Напротив, – не согласился Джон. – Мне бы очень не хотелось выпрашивать у жены каждый пенни, который я собираюсь потратить. Чтобы восстановить замок, потребуется состояние, очень большое состояние. И могу вас уверить, ни одна женщина, обладающая таким состоянием, не захочет выходить за мужчину, каким бы титулом он ни был наделен, если его дом того и гляди развалится.

Несколько мгновений они молчали, потом Джина рассмеялась.

– Это вызов! – сказала она. – Я найду вам миллионершу...

– Это очень любезно с вашей стороны, но...

– Не нужно меня благодарить. Я сделаю это не только ради вас, но и ради всей Англии.

– Уверю вас, сударыня...

– Меня воспитали так, что я горжусь своей родиной, и мне невыносимо думать, что нечто настолько важное для страны может быть потеряно. Особенно после того, как ее величество королева, спасая балканские княжества и устраивая браки европейских вельмож, заставила весь мир завидовать нам.

– Вы предлагаете мне просить королеву о помощи, – ядовито осведомился он, – или я должен попытаться помочь себе сам?

– Я знаю, вы смеетесь надо мной, но я говорю серьезно. Если вы позволите своему замку превратиться в руины и ничего не предпримете ради его спасения, на старости лет будете очень жалеть об этом. – Сделав глубокий вдох, она горячо добавила: – Вам будет стыдно оттого, что вы стали неудачником.

Джон воззрился на нее, думая, не ослышался ли. После продолжительного молчания он произнес:

– Хорошо, мисс Уилтон. Слушайте меня очень внимательно. Завтра я проведу вас по замку, чтобы вы увидели, насколько положение серьезно.

– О, как мне хочется увидеть замок! Да, пожалуйста, проведите меня по нему.

– Сделаю это с большим удовольствием, – довольно мрачно ответил Джон. – Надеюсь, после этого вы перестанете считать меня трусом и дурачком, тогда как на самом деле я просто практичный и здравомыслящий человек.

– Здравомыслящий человек? – переспросила Джина. – Сейчас не время быть здравомыслящим, сейчас время быть мужественным. Ваши предки сражались и умирали ради этого замка. Неужели вы настолько глупы, что забудете о них? Вы Честер или нет?

– Это вы говорите мне? – возмутился Джон.

– О, теперь вы думаете, что я веду себя дерзко.

– Какое проницательное замечание!

– Но что-то подсказывает мне, что вы должны это услышать. Я думаю, вы были посланы высшими силами, чтобы спасти замок. Таков ваш удел. И возможно, мне суждено стать человеком, который вам об этом скажет. Молитесь – и вы отыщете деньги и силы, чтобы спасти свое наследие. Не только ради себя, ради детей, которые будут жить там после вас.

Говорила Джина негромко, но с таким чувством, что Джон слушал ее, не перебивая. Потом, когда она отвернулась, как будто вдруг устыдившись своих слов, он заметил в ее голубых глазах слезы.

Джону происходящее казалось чем-то невероятным. Как может девушка, которую он никогда прежде не встречал, так с ним разговаривать? И все же он чувствовал, что слова ее идут от самого сердца.

На мгновение ему даже показалось, что он спит или что девушка эта ему пригрезилась. Но потом, как будто из него силой вытаскивали слова, он медленно проговорил:

– Я попытаюсь сделать то, о чем вы меня просите, но мне понадобится помощь. Дайте слово, что поможете, потому что сам я не справлюсь.

Джон удивился сам себе. Почему он дает обещания этой молодой женщине, которая не имеет права их требовать? Однако она явно была другого мнения. Быть может, она и впрямь имела на это право? Быть может, человек, столь безразличный к чему-то, имеет право так говорить?

– Конечно, я помогу, – ответила Джина. – И я хочу сделать предложение, которое вам может показаться смешным...

Джон с удивлением отметил, что она начала нервничать. После столь пылких и уверенных речей этого от нее он ожидал меньше всего.

– Вы можете посмеяться надо мной или посчитать меня глупой, но я подумала: вдруг само небо вложило мне в голову эту идею?

Джону хотелось ответить, что у неба есть дела поважнее, чем слушать их разговоры, но, не желая показаться занудой, промолвил:

– Говорите все, что хотите сказать.

– Замок некоторым образом принадлежит всем, кто живет вокруг него. Вы и ваша семья живете в нем, но... сама идея замка принадлежит нашей округе. Каждый из нас знает этот замок, любит его, восхищается им с самого рождения, поэтому для нас тоже важно, чтобы он продолжал жить. Я думаю, вы должны пригласить к себе в замок как можно больше людей, чтобы все увидели, в каком плохом состоянии он находится. А потом попросить их помочь вернуть ему былую славу.

– Вы хотите сказать... Я должен позволить чужим людям расхаживать у себя по дому?

– Но, если они полюбят замок, они не будут чужими. Если они поймут, как много он значит не только для округи, но и для них лично, каждый из них захочет помочь.

Договорив, она увидела, что Джон смотрит на нее в полнейшем недоумении.

Наконец он заговорил:

– Это слишком невероятно... Но может сработать.

– Так вы поняли! Вы действительно поняли! – радостно воскликнула Джина. – Они могут выкрасить стены, сделать замок пригодным для жилья. Они могут соревноваться друг с другом, и каждая комната станет по-своему красивой и удобной.

– И что они за это получат?

– Их имена будут присвоены комнатам, которые они восстановят, чтобы в будущем каждый, приходящий в замок, смог прочитать о них и узнать, что именно они сделали.

Посмотрев на девушку внимательно, Джон сказал:

– Прекрасная мысль. Но вы уверены, что люди не поднимут меня на смех? А вдруг они скажут: «Ваш замок – сами и разбирайтесь»?

– Не думаю, что они такое скажут, – сказала она. – Если вы правильно с ними поговорите.

«А она, конечно, знает, как разговаривать с людьми правильно», – язвительно подумал Джон.

– Это ведь и их наследие, – тем временем продолжала она, – и они это понимают. Никто не обрадуется, если замок развалится. Заново выстроить его невозможно, и увидеть его можно будет лишь на картинах художников.

Джон молчал. Джина понимала, что он серьезно взвешивает ее слова, и закрыла глаза, молясь и надеясь.

«Он должен это сделать, – повторяла она в уме. – Должен».

Джон прикрыл глаза ладонью.

– Не могу думать, – наконец произнес он. – Голова кругом идет. Ваша идея кажется то изумительной, то невероятной.

– Но мне вы покажете замок? – горячо спросила она. – Тогда у меня еще идеи появятся.

– Еще идеи? – насторожился Джон.

– О да! Увидев его изнутри, я обязательно еще что-нибудь придумаю.

– Час от часу не легче, – пробормотал он.

– Милорд...

– Зовите меня лучше Джоном. А я, если позволите, буду звать вас Джиной. Раз уж мы с вами сделали заговорщиками, формальности ни к чему.

– Но у меня отец строитель, – в ужасе промолвила Джина.

– Не совсем понимаю, к чему вы это.

– Дочь строителя не может называть герцога по имени.

– Что за глупости! Конечно может, если хочет.

– Но это же неправильно, – сказала она. – Вы не сможете внушать уважение, если кто угодно будет называть вас по имени.

– Во-первых, не кто угодно, а только вы. И мне обязательно внушать уважение?

– Конечно! Иначе что станет с вашей герцогской властью?

– А она у меня есть? – насмешливо поинтересовался он. – Где же она была последний час? У вас под каблуком, вот где.

– Это было маленькое отклонение. Я думаю, отныне вам нужно держаться властно, как настоящему герцогу.

– Благодарю за разрешение, сударыня.

– Милорд, я только хотела...

– Джина, либо вы называете меня Джоном, либо я высажу вас из экипажа, – прервал ее он. – Хотя я не уверен, не стоит ли мне сделать это в любом случае.

– Вы не сделаете этого!

– В самом деле?

– Джон!

– Уже лучше.

– Но...

– Тихо!

Она тут же замолчала, и, ободренный первым успешным проявлением приличествующей герцогу властности, он добавил:

– Говорит герцог, поэтому слушайте его и повинуйтесь.

Джина захихикала.

За разговором время пролетело незаметно. Джон опомнился, только когда увидел, что они въехали в графство, и понял, что через милю на фоне стремительно темнеющего неба покажется замок или то, что от него осталось.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Джина. – Смотрите! Правда, чудесно?

Ему это зрелище никогда не казалось чудесным, но, воодушевленный ее искренним восторгом, он кивнул.

– Да, красиво.

Лошади побежали немного быстрее, как будто почувствовав, что путешествие подходит к концу, и Джон повернулся к Джине.

– Почти приехали. Скажите, где вы живете, и утром я пошлю за вами экипаж.

Она написала на листке бумаги адрес и передала ему.

– Я сойду у замка, – сказал он, – а вы езжайте дальше. Разумеется, я заплачу за всю поездку.

– Я сама заплачу, – тут же ответила она.

– Джина...

– А станете спорить, я буду называть вас милордом герцогом.

Это заставило его замолчать. Вдруг она сжала его руку и сказала:

– Мы победим. Повторяйте это в уме каждый раз, когда волнуетесь, и будете побеждать в любой, даже самой тяжелой битве. Я чувствую сердцем и разумом, что вы победите!

Джон поднес ее руку к губам.

– Могу ли я проиграть, когда вы мне помогаете?

Как только он произнес эти слова, экипаж остановился у боковой двери замка.

Джон снова поцеловал Джине руку и вышел из экипажа одновременно с кучером, который прыгнул с козел и начал снимать его чемоданы.

Джон позвонил. Дверь открылась, и за ней показалось знакомое лицо. Теннисон, дворецкий, служил в этом доме почти двадцать лет.

– Здравствуйте, ваша светлость. – Неожиданное появление нового герцога, похоже, его несколько не удивило. – Ваша мать ждет вас в гостиной.

– Сейчас иду, – ответил Джон, после чего повернулся к экипажу и негромко обратился к Джине: – Спасибо. Спасибо за все, что вы мне сказали. Я знаю, с вашей помощью мы победим.

Он снова поцеловал ее руку и, не давая ей времени на ответ, вошел в замок.

Глава 3

После того как несколько слуг унесли багаж Джона, кучер тронул лошадей. Когда экипаж немного отъехал, Джина повернулась в надежде увидеть герцога или кого-нибудь из его семьи, но не увидела никого, кроме дворецкого, закрывавшего дверь.

Тем временем Джон взбежал по широкой лестнице в гостиную. Несмотря на то, что сын почти не видел мать с тех пор, как начал путешествовать, он продолжал нежно любить ее. До замужества она была леди Эвелин Гоуэр, дочерью графа, и считалось, что своей семье девушка выгоды не принесет, но юная леди Эвелин полюбила младшего брата герцога и преисполнилась решимости добиться своего.

В молодости мать Джона была известной красавицей. Поговаривали, что половина великосветских женихов были у ее ног. Даже ходил слух, что сам принц Уэльский слал леди Эвелин полные отчаяния любовные письма. Сейчас ей было пятьдесят, но в утонченном лице и грациозной осанке леди Джеймс Честер все еще можно было увидеть следы былой красоты.

Отличаясь эксцентричным нравом, мать Джона обладала острым, практичным умом. Всякий, кто при первом знакомстве принимал ее за легкомысленного или несерьезного человека, очень быстро понимал свою ошибку.

Джон застал мать за вязанием. Когда он вошел, она радостно вскрикнула и протянула ему навстречу руки.

– Ты вернулся! Ох, сынок, мы так по тебе скучали.

– Телеграмма ждала меня полтора месяца, – сказал Джон. – Но я вернулся, как только получил ее. Дорогая мама, мне так жаль, что я не смог помочь вам с похоронами дяди Руперта.

– Нам всем было очень тяжело, – сообщила мать. – Но после того несчастного случая он долго болел, и смерть стала для него избавлением от мучений.

– Значит, вы переехали. Так я и думал. Вам здесь удобно? – участливо осведомился Джон.

– Совершенно неудобно. Этому дому нужен хороший ремонт, – ворчливо ответила леди Эвелин и мрачно добавила: – Наверное, он скоро и вовсе развалится.

Джон набрал полную грудь воздуха, но ничего не сказал. Сейчас было не самое подходящее время рассказывать матери о Джине и об их плане.

– Тебе понравилось за границей? – поинтересовалась мать. – Я так часто думала о тебе, милый. Наверняка ты увидел там много интересного. Хорошо, что ты смог посылать нам деньги. Особенно онигодились, когда умер твой отец.

Лорд Джеймс Честер скоропостижно скончался около года назад после того, как неудачно упал с лошади. Если бы не это, то он, а не Джон, стал бы герцогом. Впрочем, Джон знал, что его отец никогда не интересовался своим наследием.

Младший сын герцога Честертон вполне довольствовался жизнью в принадлежащем брату доме – за это не нужно было платить. Джеймс Честер был начисто лишен амбиций и никогда не задумывался о том, что он будет делать, если станет герцогом и унаследует замок.

Джон был уверен, его отцу даже не приходило в голову, что он оставляет сыну задачи, которые должен был решать сам.

Лорд Джеймс был довольно состоятелен, и его теперь уже вдова и трое их детей привыкли к определенному образу жизни. Мальчики ходили в дорогую школу, а девочка получала образование в лондонском пансионе благородных девиц, где дебютанток сезона не только учили говорить, петь и танцевать, но и прививали мысль о том, что к первому выходу в свет они должны иметь самые изысканные и дорогие наряды.

Доходы семьи позволяли им жить по-прежнему, но содержание замка было им явно не по карману. Джон с ужасом ждал приезда сестры Друзиллы и двух младших братьев.

Однако сейчас он хотел просто насладиться воссоединением с матерью.

– Мне так много хочется вам рассказать! – воскликнул он. – Но сперва я хочу узнать, в какой спальне буду спать.

Леди Эвелин улыбнулась.

– Теперь, когда ты стал герцогом, у тебя королевские покои. Хотя называть их королевскими нелепо, потому что сейчас там немногим лучше, чем в свинарнике.

– Мама! – укоризненно произнес он. Мрачные мысли снова овладели им.

– Увидишь сам, – голосом пророка произнесла леди Эвелин.

– Почему вы не остались в своем доме, пока здесь все не починят?

Его мать улыбнулась.

– Мы переехали не из желания чувствовать себя важными птицами, просто дома нужно переклеить обои. Через неделю я вернусь.

– Разумное решение, – заметил Джон.

– Конечно, разумное. Но тебе придется остаться в этом мавзолее, поскольку ты глава семьи. – Леди Эвелин произнесла это таким торжественным тоном, что стало понятно – она шутит. Потом обычным голосом она добавила: – Но, если хочешь знать мое мнение: этот дом в жутком состоянии, и жить здесь просто опасно.

– Все настолько плохо? – спросил Джон.

– Посмотри хотя бы на эту комнату. Обои отстают, две оконные рамы сломаны. Твой дядя мирился с этим, но он думал о своих «заблудших овцах».

– Что стало с «заблудшими овцами»?

– Они все еще здесь.

Джон вскинул голову.

– Что?

– Но, мой дорогой, что нужно было с ними сделать? Выставить на мороз?

– Сейчас май.

– Но в декабре, насколько я знаю, похолодает, – неопределенно произнесла она. – К тому же на моей памяти и в мае снег шел.

– Мама, можно ближе к делу? – недовольно сказал он.

– Но они и есть дело. То есть они здесь и им некуда идти. Так что же делать? Наш адвокат говорит, что им нельзя оставаться, чтобы они ничего не украли, но поскольку здесь и красть-то нечего, это вряд ли имеет какое-либо значение.

– И много их?

– Да... Несколько... Я никогда их не считала.

Джон на время потерял дар речи. Понимая, что сейчас не сумеет во всем как следует разобраться, он решил подумать об этом попозже.

– Пока меня не было, что-нибудь случилось?

– Случилось. Провалилась одна из стен фасада, но все ждали твоего возвращения, чтобы решить, что с этим делать.

Джон ненадолго задержал дыхание, пытаясь заставить себя поверить, что все это происходит не по-настоящему.

Нет, прежде чем что-то предпринимать, нужно как следует осмотреть весь замок, решил он.

– Ступай-ка ты к себе, милый, отдохни с дороги. А я пришлю в королевские покои что-нибудь перекусить.

– Мама, я бы хотел, чтобы вы так не говорили. Сама идея о том, что я буду жить в королевских покоех, совершенно нелепа. Почему бы просто не сказать «ступай в свою комнату»?

- Потому что ты герцог Честертон и тебе положено соответствовать своему титулу.
- Даже если эти покои больше похожи на свинарник?
- Герцог может жить достойно и в свинарнике, – ответила леди Эвелин. – Никогда не забывай, что ты герцог и что это честь.
- Мама, вот уж не думал, что вы так проникнетесь значимостью герцогского титула. Что это вы?
- Не говори ерунды. Это все-таки герцогский венец.
- Вы могли получить его, если бы вышли за моего дядю, это все знают.
- Да, – вздохнула она. – Но я полюбила твоего отца. Вышло крайне неудобно.
- Дядя любил вас?
- О да. Он и твой отец даже дрались на дуэли. Это было очень волнительно.
- А из-за того, что кто-то из них мог погибнуть, вы не волновались? – удивленно спросил Джон.
- Нет, конечно же. Они дрались на кулаках, так что, строго говоря, это была не настоящая дуэль, но все мы так это называли.
- И как прошло?
- Твой отец хотел ударить Руперта, но промахнулся. Потом Руперт ударил и попал, но скорее случайно, чем расчетливо. Папа попятился и споткнулся об утку, которая как раз шла на пруд, отчего плюхнулся на землю. Руперт заявил, что получил сатисфакцию, и на этом все закончилось. Он был шафером на нашей свадьбе, и они с твоим отцом очень любили друг друга.
- Готов поспорить, вы получили настоящее удовольствие, – усмехнулся Джон.
- Разумеется, получила. Ни из-за одной другой девушки в Лондоне мужчины не устраивали дуэль. Они все позеленели от зависти.
- Повезло вам, мама.
- Такие вещи нам посылаются свыше, чтобы скрасить нашу жизнь. Других причин я не вижу.
- А что дядя Руперт? Он смог забыть вас?
- Он говорил, что нет. По его словам, он так никогда и не женился, чтобы мой сын смог унаследовать его титул.
- Не может быть!
- Он выразился такими словами: «Тогда следующий герцог будет нашим общим, Эвелин, и большего счастья мне не нужно».
- Неужели так и сказал? – не поверил Джон.
- Боюсь, что да. Не знаю, как мне удалось не рассмеяться.
- Джон зашелся хохотом.
- И что, он это серьезно говорил? – спросил он, когда отдышался.
- Милый, конечно нет. Остыв после так называемой влюбленности в меня, он с удовольствием зажил холостяком, а этим он просто оправдывал свое нежелание жениться. Но это было волнительно и очень льстило мне. Потом он был только рад, что меня нет рядом и никто не мешает ему селить в замке своих странных друзей. Завтра ты встретишься с ними.
- Да, пожалуй, я должен с ними встретиться.
- И еще ты познакомишься с Эмброузом Фабером.
- Странная нотка в ее голосе заставила Джона повернуться и спросить подозрительно:
- Рассказывайте худшее, мама. Кто такой Эмброуз Фабер?
- Кто такой Эмброуз Фабер? – повторила леди Эвелин. – Мальчик мой, неужели ты не знаешь, что Фаберы наши родственники? Да, неблизкие, но Руперт считал, что мы должны помогать бедным родственникам.
- То есть он из «заблудших овец»?

– Нет, конечно же. Он очень образованный и культурный человек. Руперт взял его к себе секретарем. И тебе он будет весьма полезен.

– Зачем мне секретарь? – удивился Джон. – Записать, какая часть замка развалится первой? – Он вздохнул. – Ну да ладно, сейчас я не буду об этом думать. Пойду в свою комнату...

– Ты хотел сказать «в королевские покои», – мягко поправила его мать. – Помни о герцогском чувстве собственного достоинства.

– Господи Боже, мама! Вы не лучше Джины.

– Кто такая Джина?

– Мисс Джина Уилтон. Это молодая женщина, я познакомился с ней в Портсмуте. Она живет тут неподалеку, и я подвез ее на экипаже.

– Красивая?

– Школьная учительница, – отрубил Джон так, будто это все объясняло. – К тому же слишком властная.

– О Боже! Значит, тебе она не подойдет.

– Не подойдет мне? – потрясенно повторил Джон. – Позвольте вас заверить, мама, у меня и в мыслях нет связывать себя с девицей, которая рта не может открыть, чтобы не начать командовать или давать советы относительно того, что ее никоим образом не касается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.